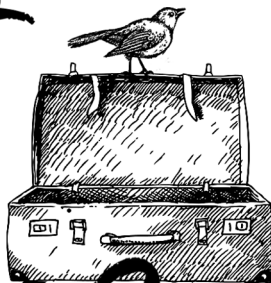

Сэдв
Днжмс

Сэдч
Джонс
Узлом

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Серия «До шестнадцати и старше»

Sadie Jones

THE OUTCAST

Перевод с английского Л. Пlostак

Серийное оформление
и компьютерный дизайн Е. Фerez

Печатается с разрешения литературных агентств
Felicity Bryan Associates и Andrew Nurnberg.

Д42 **Джонс, Сэди.**
Изгой : [роман] / Сэди Джонс ; [перевод с ан-
глийского Л. Пlostак]. — Москва : Издательство
АСТ, 2022. — 320 с. — (До шестнадцати и старше).

ISBN 978-5-17-110331-6

Ему было всего десять лет, когда умерла мама. Утонула у Льюиса на глазах. С тех пор жизнь разделилась на «до» и «после». До — были семья, поддержка, внимание, друзья и самая обычная жизнь. После — много горя и одиночества.

В своем дебютном романе Сэди Джонс рассказывает историю мальчика, который отказался принимать ложное единодушное общества, что отвергает любовь в пользу видимости. Общества, что так часто было шокировано поступками странного нелюдимого подростка, но при этом само шокирует куда больше своей черствостью, глухотой, стремлением соответствовать воображаемой норме.

Сможет ли Льюис найти себя в этом мире? И есть ли в нем хоть один человек, способный на понимание и безусловную любовь?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Sadie Jones, 2008
Школа перевода В. Баканова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022
ISBN 978-5-17-110331-6

ПРОЛОГ

Август 1957 года

Его никто не встречал. Стоя четвертым в очереди, он наблюдал, как остальные забирают вещи, распишываются и выходят — до мелочей копируя движения и жесты друг друга. Как будто после бесконечного ожидания нельзя и шага сделать по-своему. За эти годы они все стали одинаковыми.

Личных вещей у него было негусто — только одежда, бумажник и опасная бритва. Ему указали, где расписаться за вещи и за почтовый перевод от отца, и отвели в соседний кабинет переодеться. Из старой одежды он вырос — брюки едва доходили до щиколоток, руки торчали из рукавов как палки.

Он вернулся к столу, сунул в один карман бумажник с квитанцией на перевод, во второй — бритву и принялся ждать. Его провели по коридору, открывая бесчисленные замки. Не глядя на охранников, он пересек двор и оказался у двери в стене, сбоку от основных ворот. Дверь была не заперта, и, толкнув ее, он вышел наружу.

На улице ни души. Главное — держать себя в руках и не раскисать. Он так долго ждал — даже не свободы, а возвращения домой. Когда тебе семнадцать, два года — почти вечность.

В первое мгновение в глазах зарябило от обилия цветов и солнечного света. А еще непривычно было

смотреть вдаль, до самого конца улицы, и провожать взглядом голубую машину, свернувшую за угол.

Казалось, он готов стоять тут бесконечно, вдыхать чистый воздух и смотреть по сторонам, изучать кирпичные стены всех оттенков желтого и коричневого, травинки, пробивающиеся сквозь асфальт, и внимать тишине. Но тут он вспомнил, что за спиной тюрьма и хорошо бы убраться отсюда подальше. А потом подумал, что долгое время не знал ничего, кроме тюрьмы, и вовсе не хочет от нее бежать, но наконец запретил себе думать и зашагал по улице к тому самому перекрестку, где недавно проезжала голубая машина.

Поезд в сторону дома отправлялся с вокзала Виктория, на другом берегу Темзы. Однако прежде надо зайти на почту и получить перевод от отца. А еще Льюис чувствовал себя пугалом в этой одежде и решил купить новую. Предстоящая встреча с семьей — и без того непростое испытание, нужно хотя бы позаботиться о внешнем виде.

При мысли о том, что придется ездить по городу и общаться с незнакомыми людьми, его сковывал страх. Вопреки ожиданиям, в душе Льюис по-прежнему оставался заключенным. Добравшись до вокзала, он остановился через дорогу от входа и стал уговаривать себя войти внутрь.

На небе не было ни облачка. По дороге Льюис купил пару белых рубашек, светло-серый костюм с запасными брюками, сигареты, колоду карт и металлическую зажигалку. Один комплект одежды надел на себя, а для остальных вещей приобрел картонную коробку. Он поставил ее под ноги, вытащил из кармана новых брюк сигареты, закурил, щелкнув новой зажигалкой, и стал собираться с духом.

Ему никогда раньше не приходилось самому покупать себе одежду. Так странно — заработать тюремный срок и не уметь выбрать себе гардероб. Можно и не ехать домой — отец прислал солидную сумку. Не исключено, что он не хочет возвращения сына, но прямо об этом не написал.

Впрочем, мысли о совершенном преступлении и об отце только бередили душу, и Льюис принялся рассматривать прохожих. В глазах по-прежнему рябило от разнообразия цветов. Небо сияло голубизной, на тротуарах зеленели деревья, все женщины казались ослепительно красивыми, и он с трудом сдерживался, чтобы не пялиться в открытую. В груди как будто затрепетала искра жизни, разгораясь в яркое пламя — светлое и радостное, а не зловещее, как раньше. Льюис завороженно провожал взглядом женщин, их легкая, беззаботная походка дарила надежду. Наблюдать, не таращась, было непросто, зато наконец в голове прояснилось, и он снова почувствовал себя живым. Интересно, могут ли арестовать за то, что битый час пялишься на женщин у вокзала Виктория? Представив, как за разделение взглядом его сажают в тюрьму в день освобождения, Льюис решительно зашагал к вокзалу.

Поезд оказался в точности таким, как раньше: ритмичный стук колес, лакированные деревянные панели, жесткие сиденья, местами протертые до блеска. Льюис без колебаний вскочил в последний вагон второго класса и, сев у окна спиной вперед, стал смотреть, как платформа уносится прочь.

Элис знала, что Льюиса скоро освободят. Может, поэтому он так часто ей снился — совсем малышом. Во сне их всегда разлучали или она искала его и не

могла найти. Иногда и она была ребенком, только непонятно — собой в детстве или маленьким Льюисом.

Она лично проследила, чтобы к приезду Льюиса была готова его комната: проветрила, велела Мэри застелить постель и, убедившись, что пыль вытерта, закрыла дверь. Неизвестно, в котором часу его выпустят, письма от него тоже не приходило. Если Льюис не вернется домой, непонятно, где его искать.

Лето выдалось жаркое, окна и двери в сад часто открывали нараспашку. В доме и на улице было одинаково тепло, к тому же ковер нагревался от солнца. Элис зашла в свою комнату, посмотрелась в зеркало, затем спустилась в кухню обсудить с Мэри ужин. После села в гостиной у холодного камина и попыталась читать. Она и сама толком не понимала, ждет или нет.

На вокзале в Уотерфорде было пустынно, как за воротами тюрьмы. Льюис в полном одиночестве спустился по лестнице с платформы. Кроны деревьев нависали над улицей словно куполом, тень от веток падала на асфальт затейливым узором. Льюис шел с опущенной головой и, когда услышал за спиной шум мотора, посторонился, не оглядываясь.

Обогнав его, машина остановилась и стала медленно сдавать назад.

— Привет! А я тебя знаю!

Светловолосая девушка за рулем кабриолета широко улыбалась. Ее звали Тэмзин Кармайл.

— Привет, Тэмзин.

— Я понятия не имела, что ты вернулся!

— Вот только что.

— Залезай в машину! — Льюис не шелохнулся. — Эй, ты спишь?

Он сел на пассажирское сиденье «остина». Тэмзин была в светлом летнем платье и белых укороченных перчатках. Льюис отвел взгляд и стал рассматривать сельские пейзажи вдоль дороги.

— Как ощущения? — непринужденно спросила Тэмзин, как будто он только что забил мяч в крикете. — Честное слово, ты ничего не пропустил. Кэрролайн Фостер вышла замуж, а больше ничего и не случилось. Тебе куда? Домой?

— Если можно.

— Да тут совсем небольшой крюк.

Тэмзин высадила его у подъездной дорожки и, помахав рукой в перчатке, укатила прочь. Вскоре шум мотора затих вдаль. Наверняка она не подозревала, как много для Льюиса значил ее приветливый тон. Однако уже через миг, завидев родительский дом, он напрочь забыл о Тэмзин.

Словно во сне он направился к дому и постучал. Элис немедленно открыла и радостно заулыбалась.

— Льюис!

— Элис... ты знала, что я приеду?

— Мы знали, что тебя сегодня выпускают. Ой, извини. Привет!

Он переступил порог. Элис закрыла за ним дверь. Некоторое время они смотрели друг на друга в плохо освещенном холле, затем она поцеловала его в щеку.

— А ты вырос. Мы не знали, ждать тебя или нет. Ты так изменился. Твоя комната готова!

Льюис отправился наверх, а Элис осталась в холле. В голове роились вопросы. Позвонить ли Гилберту и сообщить о возвращении Льюиса? В самом ли деле Льюис сильно изменился или она просто не помнила, как он выглядит?

Получается, она впустила в дом мужчину. Да еще и незнакомого. Он сидел в тюрьме и неизвестно, что пережил, да и раньше был не особенно предсказуем. Ей стало тревожно, и она задержалась в холле, однако Гилберт уже наверняка ушел с работы и звонить некуда.

Комната Льюиса по размерам почти как его последняя камера в Брикстоне. Ну, может, чуть побольше. Только в камере стены зеленые, а не белые, и он там был не один.

Льюис положил чемодан на кровать, подошел к окну и, закурив, выглянул в сад. В стекло билась навозная муха: то ползала по краю, как будто искала выход, то перелетала к центру стекла, снова возвращалась к краю и замирала, затем снова прыгала на середину и так по кругу. Попытка бегства, неудача и новая попытка.

Из гостиной донесся мелодичный металлический звон: часы на камине пробили шесть.

Элис принялась искать ингредиенты для крющона, который собиралась приготовить ровно к половине седьмого, когда Гилберт возвращается с работы. Она не спешила и начала с чашечки для себя — проверить, получилось ли нужное соотношение джина с лимонадом. Зайдя на кухню за мятой, яблоками и льдом, она попыталась наладить отношения с Мэри. Экономка не знала, что Льюиса выпускают, и его голос в холле застал ее врасплох. Она пришла в ярость и заявила, что не намерена находиться с ним в одном доме. В результате бурной сцены Элис чудом уговорила Мэри не увольняться и теперь ходила за ней по пятам по всей кухне, почти заискивая. Так и не растопив серд-

ца экономки, она захватила мяту и яблоки и вернулась в гостиную.

Услышав, как отец поворачивает ключ в замке, Льюис выскочил на лестничную площадку. Гилберт стоял на пороге с портфелем и в шляпе. Из гостиной вышла Элис. Гилберт снял шляпу и положил на высокий стул у двери.

— Приехал, значит.

— Да, сэр.

— Идем со мной, — тихим, но яростным тоном произнес Гилберт.

— Гилберт!

— Живо!

Льюис спустился по лестнице, вышел из дома вслед за отцом и без единого слова сел в машину.

Гилберт помчал в сторону деревни. Льюис не задавал вопросов, только пытался вспомнить, что собирался сказать. При виде отца все мысли вылетели из головы.

Гилберт притормозил у тротуара. Не решаясь поднять глаза, Льюис уткнулся взглядом в колени. Он собирался дать обещание. Приготовил целую речь — хотел убедить отца, что ему можно доверять, а теперь не мог и посмотреть в его сторону.

— Ну-ка, погляди сюда, — велел Гилберт.

Льюис повиновался.

Перед ними высилась церковь. В мягком сумеречном свете от нее словно исходило тепло и умиротворение.

— Точно такая же, как была, — проговорил Льюис.

— Да, мы очень старались. Желающих участвовать набралось много. Дики Кармайкл здорово помог. Нам всем было важно восстановить прежний вид.

Льюис молча обернулся к церкви.

— Так что? Ничего не хочешь сказать?

Льюис не ответил.

Гилберт завел мотор и рванул с места. По пути домой он не проронил ни слова.

Семья собралась в гостиной за обеденным столом у распахнутого настежь окна. Мэри расставила блюда и ушла домой до утра. Еще не стемнело, и свечи зажигать не стали. Взгляд Льюиса рассеянно блуждал по столу. Обилие всевозможных подставок и емкостей, серебряных, стеклянных и плетеных, действовало почти гипнотически. Он изо всех сил старался не думать о вине, которое Гилберт наливал себе и Элис.

Аромат красного вина смешивался с запахом свежeweымытых овощей. Ели молча, если не считать просьб передать соль, и Льюис едва не рассмеялся, внезапно заскучав по шумным тюремным трапезам. Там было почти как в школе, весело и легко, а напряженную тишину за домашним столом он ненавидел. Наверное, с ним что-то не так, раз он готов променять дом на Брикстон.

Гилберт произнес тираду о том, чего они ожидают от Льюиса: вести себя прилично, найти работу, вежливо общаться с людьми и не пить. Слушая отца, Льюис продолжал невидящим взглядом тарашиться на стол.

Элис резко отодвинула стул и, извинившись, вышла из столовой. Льюис с отцом закончили ужин в молчании. Наконец Гилберт отложил нож и вилку, аккуратно вытер губы салфеткой и встал.

— Ну, хорошо.

Он выжидательно посмотрел на Льюиса, однако тот все так же сидел, уткнувшись в стол. Гилберт на мгновение замешкался и вышел в гостиную вслед за Элис.

Вскоре послышался его голос, затем хлопнула дверь. В бутылке на столе ничего не осталось. Льюис бросил

взгляд на боковой столик с напитками. Джина не было, лишь графины с виски и бренди да пара стаканов. Он не пил со дня ареста. А сейчас как раз удобный случай — только протяни руку. К тому же он не давал никаких обещаний, а значит, ничего не нарушит. Глубоко вдохнув, Льюис помедлил, затем вскочил на ноги и, выйдя в распахнутую дверь, решительно зашагал по траве.

В лесу уже сгустились сумерки. За спиной светились окна, но впереди было темно. Вглядываясь в заросли, Льюис как будто услышал шум реки. Как такое возможно? Река гораздо дальше, разве она могла переместиться? При мысли о массе воды, надвигающейся на дом, по спине пробежал холодок.

— Хорошо? — раздался голос над ухом.

Вздвогнув, Льюис обернулся. Он и не заметил, как подошла Элис, и не слышал, о чем она спрашивала.

— Я хотела сказать... в общем, давай попробуем подружиться, хорошо? — Ее голос чуть заметно подрагивал.

— Конечно, — как можно приветливее отозвался Льюис.

— Твой отец... он по тебе скучал.

Льюис был благодарен Элис за поддержку, однако сам думал иначе.

— Плохо было, да?

Он не сразу понял, что речь о тюрьме. Лучше Элис не знать подробностей.

— Бывает хуже.

— Мы тебя ни разу не провели.

Это правда. Поначалу, напуганный и растерянный, он очень страдал без семьи. И даже несколько раз писал домой с просьбой повидаться, но позже решил, что без родственных визитов проще, и забыл о них думать. Или почти забыл.

Элис заставила себя ненадолго замолчать, однако не сдержалась и протянула пальцы к его предплечью.

— С глупостями покончено?

Он отдернул руку.

— Ну и молодец. — Элис чуть смущенно улыбнулась и направилась в дом с туфлями в руках: трава вымокла от росы, и она выходила к Льюису босиком.

Льюис проснулся в темноте в холодном поту и на смерть перепуганный. Снова тот же сон. Усевшись, он уперся ногами в пол, широко открыл глаза и принялся убеждать себя, что все это не о нем и вообще неправда. А даже если правда, то столетней давности, и о ней пора забыть. Этот сон снился ему и в тюрьме, только гораздо реже, чем раньше, — раз в месяц или два, и Льюис надеялся, что навязчивый кошмар скоро пройдет.

Постепенно страх отступал, а вместе с ним и ощущение, что легкие вместо воздуха наполняются водой. Льюис выглянул в окно, выискивая луну, но увидел только черное небо. Он вспомнил, как Элис указала на его руку, и невольно опустил взгляд. Провел пальцами по невидимым в темноте шрамам, зарубцевавшимся и все же относительно свежим, и вновь ощутил себя порочным.

Он подошел к окну и принялся угадывать, что скрывается за размытыми силуэтами. Яблоня, за ней вдаль темный лес. Льюис изо всех сил пытался стоять и не шевелиться, однако им овладело невыносимое беспокойство; если бы он мог, то вылез бы из собственной кожи. Это ведь роскошь, убеждал он себя, встать среди ночи и знать, что никого не разбудишь. Когда угодно подходить к окну без решетки. И тут же подумал: «И что с того?»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1945 год

Гилберта демобилизовали в ноябре, и Элизабет с Льюисом, которому тогда шел восьмой год, поехали встречать его в гостиницу на Чаринг-кросс. Они сели на поезд на Уотерфордском вокзале. Ступенька на входе в вагон была очень высокой, и мама крепко держала Льюиса за руку, чтобы тот не упал. Усевшись, он наблюдал, как станция за окном отдаляется, становясь меньше. Элизабет сняла шляпу и откинула голову на спинку сиденья. Льюису нравилось все — как жесткое сиденье царапает голые ноги и как поезд качается из стороны в сторону. Его переполняло чувство, будто происходит нечто особенное, сокровенное, о чем они с мамой не говорили вслух. Общий секрет преображал все вокруг. Интересно, отец будет в военной форме? А может, даже с настоящим пистолетом? А если с пистолетом, Льюису дадут его подержать? Наверное, не дадут... Впрочем, скорее всего, пистолета у отца нет, и даже если есть, это ведь не игрушка.